

Общаясь с этими силами во сне, душа автора никогда не покидает тех привычных условий быта, которые окружают его. Сначала это обстановка кельи, затем темницы. В этих бытовых помещениях, во многом сходных, самонаблюдения и наблюдения автора приобретают необычайную детализацию.

Келья для автора это место его жилья и в то же время это дом богородицы, где стоит ее образ. В житиях постоянно кратко упоминается о том, как пустынный, облюбовав себе место, ставит келью. Так, Никодим Кожезерский «устроив... себе... на край блата того келейцу малу».³⁶ В отличие от житийной литературы у Епифания этот акт становится предметом подробного изображения. Любуясь своим трудом, он старательно описывает весь процесс постройки такой «келейцы малой». Он сообщает ее форму («о пяти стенках»), внутреннее устройство из двух частей («малая книг ради и правила — белая, а другая рукоделия ради и покоя»), ее размеры. Весь ход работы над кельей последовательно приводит к итогу — просьбе ко Христу и богородице о ее сохранении: «И егда совершил келейцу... и покрыл, и стенки вытесал, и опечек зделал, и образ... внес и поставил, и помоляся ему... рекох сице: „Ну, свет мой... храни образ свой и келейцу мою и твою“» (233). С такой же автобиографической тщательностью описывается процесс ремонта кельи: «у келейцы верх нарубил и покрыл, и стены и углы огорелыя досками обил, и сенечки построил» (233—234). Келья очень мала: «меж углы одна с локтем сажень, а другая полсажени поперек» (232), и автор точно рассчитывает свои действия в этом миниатюрном жизненном пространстве: «возлегшу ми... на голой доске, а глава ко образу... богородицы, от образа пяди три или две» (235).

Чудесные явления рисуются автором всегда с выявлением даже мельчайших подробностей обстановки этой кельи. На той же самой «доске» бесы, «играя», качают автора, а потом он бьет беса «о лавку о коничек» (234). Себя автор видит во сне сидящим «посреде келейцы... на скамейке» и считает необходимым уточнить в скобках: «(на ней же рукоделие мое временем делаю)» (235). Само появление бесов в келье связывается автором с определенными и постоянными условиями внешней обстановки. Каждый раз последовательно описывается весь путь их проникновения в келью: «И отворишася сенные двери, а в келейце моей стало светло... и паки келейные двери отворишася... и внидоша в келию ко мне два беса» (234). Необычайные свойства этих пришельцев сказываются только в том, что двери открываются по-особому: «отворишася двери сенные скоро зело и пылко, да и келейные двери скоро, скоро зело отворишася» (235); «и отвориша сенные двери, да и келейныя, пылко зело отвориша» (241). Описывается и обратное действие: уходя, бесы «келию мою затворили» (234). Эти однотипные описания не становятся, однако, у автора литературным штампом. Они лишь материализуют обычную и как бы непосредственно наблюдаемую автором ситуацию появления бесов. Автор настолько внимателен к изображению своего маленького мира, что он предлагает и другой вариант: «И скоро отворишася двери сенныя, и вниде бес в сени». Келейные двери теперь не фигурируют, так как на этот раз сам автор устремляется навстречу врагу, опередив его намерение проникнуть внутрь кельи: «Аз же идох в сени...». Там-то и разыгрывается схватка: «Он же побежал от мене; аз же, яко за разбойником, за бесом гонюся». Вся эта погоня, однако, не выходит за пределы тех же крошечных сеней, и автор

³⁶ Житие Никодима Кожезерского, стр. 216.